

УДК 1 (47+57)+141.144

Об основных направлениях русского персонализма

И.В. Гребешев

Российский университет дружбы народов

Аннотация. Статья посвящена анализу становления русского персонализма и формированию его основных направлений. Отмечено глубокое влияние на русскую мысль идей духовной субстанциальности и учения о монадах Лейбница. Показано серьезное осмысление русскими философами учения Канта и существенное влияние его идей на становление традиций русского персонализма.

Abstract. The paper has analyzed the development of Russian personalism and formation of its basic tendencies. Profound influence of the ideas of mental substantiality and the monad doctrine of Leibniz on Russian philosophers has been shown. Kant teaching and its influence on formation of traditions of Russian personalism have been considered in the paper.

1. Введение

Персоналистская тема в отечественной философии обретает признаки вполне определенного философского направления на рубеже XIX и XX вв. Как и ряд других течений русской мысли, отечественный персонализм был многим обязан немецкой философской традиции. В первую очередь это касается творчества двух великих немецких философов Лейбница и Канта. Монадологию Лейбница принято считать одним из основных теоретических источников персонализма. Безусловно, для последующих персоналистских теорий существенное значение имело учение Лейбница и его последователей (прежде всего, Лотце и Тейхмюллера) о духовных субстанциях (монадах), являющихся самостоятельными онтологическими центрами, находящимися в гармонической связи между собой и Богом. Не менее важно было и то, что Лейбниц последовательно обосновывал метафизическую реальность свободы и столь же безусловную реальность личности: "метафизическая связь между душой и телом существует и способствует тому, что душа и тело образуют субстрат, называемый личностью" (*Лейбниц, 1925*).

2. Становление основных направлений русского персонализма

Все эти моменты были восприняты и получили развитие в российском неолейбницианстве: в "панпсихизме" А. Козлова и С. Алексеева (Аскольдова), "монистическом спиритуализме" Л. Лопатина, "критическом индивидуализме" Е. Боброва, "интуитивизме" Н. Лосского и др. Об этом писал, в частности, ведущий представитель неолейбницианства Н. Лосский: "Философские учения А.А. Козлова, Л.М. Лопатина, Н.В. Бугаева, Е.А. Боброва, П. Астафьева, С.А. Алексеева (Аскольдова) и Н. Лосского являются персоналистическими. Все они в большей или меньшей степени испытали влияние монадологии Лейбница" (*Лосский, 1991*). Названные философские системы собственно лейбницианскими мотивами далеко не исчерпывались и, несомненно, отличались своеобразием и уже принципиально новыми метафизическими установками. Тот же Лосский детально обозначил отличия собственного учения о "субстанциальных деятелях" от персонализма Лейбница. Тем не менее, данное направление в русском персонализме было ближе всего к традиции классического европейского персонализма, важнейшим источником которого являлась метафизика Лейбница.

Существенное значение для становления этой традиции имела и "критическая" философия И. Канта. Именно Кант структурировал и систематизировал основные "персоналистические" категории: "Person" (лицо), "Personalitat" (разумная субстанция, трансцендентальный субъект) и, наконец, "Personlichkeit" (личность). Специфика кантовского подхода в решающей мере определялась двумя обстоятельствами: во-первых, философ рассматривал процесс личностного становления индивидуального "лица", обретающего в результате "персонализации" статус личности, а, во-вторых, достижение личностного уровня, непосредственно связывалось им с нравственными действиями индивида, с его свободным исполнением нравственного долга.

В дальнейшем, в европейском неокантианстве моральная интерпретация личностного развития продолжает сохранять свое определяющее значение. Не стало, в этом смысле, исключением и российское неокантианство. Персоналистические мотивы всегда играли в нем существенную роль. Так, например, А. Введенский готов был признать идею личности и "веру в личное бессмертие" необходимыми

условиями нравственных убеждений и "веры в смысл жизни" (Введенский, 1901). П. Новгородцев квалифицировал идею личности именно как "моральную идею" и признавал необходимость исключительно личностных критериев в оценке общественных идеалов и общественного прогресса. "Мы определили содержание общественного идеала в зависимости от принципа личности. Исходя из этого принципа, мы установили руководящую норму общественного прогресса. Такого рода построение уже включает в себя мысль о том, что общественный прогресс связан с развитием личности, а следовательно, и вытекает из ее задач" (Новгородцев, 1991).

Таким образом, в российском неолейбницианстве и неокантианстве получил свое выражение и развитие опыт классического европейского философского персонализма. Однако этими философскими школами персоналистское направление в русской мысли отнюдь не исчерпывается. Постклассические формы и стили философствования вызвали к жизни и качественно иные типы персонализма. Уже в XIX в. этот "новый персонализм" нашел яркое воплощение на Западе, прежде всего, в философской позиции С. Кьеркегора, а в России – в художественном творчестве Ф. Достоевского. Концептуальное многообразие становится характерной чертой персоналистской философии XX в. Об этом писал, в частности, известный французский персоналист Ж. Лакруа: "Существует персоналистский идеализм (кантианство), персоналистский реализм (Лабертоньер), персоналистский экзистенциализм (Марсель, Бердяев), персоналистский индивидуализм (Ренувье), существуют коммунистические и анархистские персоналистские интенции". В русской метафизике, наряду с персонализмом лейбницианского и кантианского типа ("персоналистским идеализмом", по классификации Лакруа), немаловажное место занимают экзистенциально ориентированные персоналистские учения. К экзистенциальному персонализму относят, как правило, философские воззрения Н. Бердяева (апеллировавшего, если иметь в виду отечественную традицию, прежде всего, к творчеству Достоевского), Л. Шестова (идентифицировавшего собственную позицию с экзистенциальной философией Кьеркегора) и, в определенной мере, С. Булгакова.

3. Заключение

Идеи русских мыслителей нашли непосредственный отклик в европейской философии. Неоспоримо, например, серьезное влияние творчества Бердяева и Шестова на французский персонализм и экзистенциализм. Становление персонализма во Франции в начале 30-х гг. (круг журнала "Esprit", основанного в 1932 г.: Э. Мунье, Д. де Ружмон, П.-Л. Ландсберг, Ж. Лакруа и др.) вообще не представимо без активного и творческого участия Бердяева.

Литература

- Leibniz G.W. Theodicee. In: *Philosophische Werke*. Leipzig, S.134, 1925.
Введенский А.И. Философские очерки. СПб., вып. 1, с.129, 1901.
Лосский Н.О. История русской философии. М., Высшая школа, с.182, 294-295, 1991.
Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., Наука, с.139, 1991.